Научная статья
УДК 314.7 + 316.325 + 94:159.953 + 39(470.41)
doi 10.15826/tetm.2023.1.044

Этнонациональные истории: социально-политические основания и экономика конструирования (по материалам Республики Татарстан)

Александр Викторович Овчинников

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия
Национальный исследовательский «Томский государственный университет», Томск, Россия

ovchinnikov8_831@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0831-0786

Аннотация. В статье анализируются этнонациональные истории и их роль в качестве важных составных элементов модернизации посттрадиционных, в частности постсоветских, социумов. В ходе исследования установлена прямая связь между содержанием данных нарративов и задачами модернизации. Доказано, что основным актором конструирования этноориентированных рассказов о прошлом является не отдельный автор, а корпорация, находящаяся в сложных внутренних и внешних отношениях соподчинения и перераспределения ресурсов. Был поставлен вопрос о «корпоративной» идентичности, которая для этноцентричного автора важнее ожидаемой идентичности национальной. Выявлены качественные отличия научных и этноориентированных (но позиционируемых как «академические») текстов. Итогом исследования стала попытка разработки методики изучения нарративов этнонациональных историй.

Ключевые слова: этнонациональные истории, модернизация, Республика Татарстан, корпоративизм, гражданская нация, примордиализм, корпоративная идентичность

Для цитирования: Овчинников А. В. Этнонациональные истории: социально-политические основания и экономика конструирования (по материалам Республики Татарстан) // Tempus et Memoria. 2023. Т. 4, № 1. С. 46–60. doi 10.15826/tetm.2023.1.044

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-18-00465, https://rscf.ru/project/23-18-00465/

© Овчинников А. В., 2023

Original article

Ethnonational Stories: Socio-Political Foundations and Economics of Construction (Based on the Materials of the Republic of Tatarstan)

Alexander V. Ovchinnikov

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia
National Research "Tomsk State University", Tomsk, Russia

ovchinnikov8_831@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0831-0786

Abstract. I tried to analyze ethnonational stories as important components of the modernization of post-traditional, in particular, post-Soviet societies. In the course of the study, a direct connection was established between the content of these narratives and the tasks of modernization. It is proved that the main factor in the construction of ethnically oriented stories about the past is not an individual author, but a corporation that is in complex internal and external relations of subordination and redistribution of resources. The question was raised about the "corporate" identity, which for an ethnocentric author is more important than the national identity expected of him. Qualitative differences between scientific and ethnooriented (but positioned "academic") texts are revealed. The result of the study was an attempt to develop a methodology for studying the narratives of ethnonational stories.

Keywords: ethnonational stories, modernization, the Republic of Tatarstan, corporatism, civil nation, primordialism, corporate identity

For citation: Ovchinnikov, A. V. (2023). Etnonatsional'nye istorii: sotsial'no-politicheskie osnovaniya i ekonomika konstruirovaniya (po materialam Respubliki Tatarstan) [Ethnonational Stories: Socio-Political Foundations and Economics of Construction (Based on the Materials of the Republic of Tatarstan)]. *Tempus et Memoria*, 4, 1, 46–60. doi 10.15826/tetm.2023.1.044

Acknowledgments: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 23-18-00465, https://rscf.ru/project/23-18-00465

Этнонациональные истории и этноцентризм в целом уже несколько десятилетий являются заметными явлениями в общественной и интеллектуальной жизни постсоветского пространства. Учитывая известное тяготение бывших республик СССР к «сплетению» этничности и государственности, сочинения о «прошлом народов» нередко выполняют для новых политий роль официальных идеологий. В академической сфере этнонациональные истории также популярны, а их мифологемы часто выступают «методологическим ядром» гуманитарных исследований. В результате складывается этноцентричная картина мира, не учитывающая всей его сложности и многогранности, что в условиях широкого применения «высоких технологий» может привести к обострению ряда глобальных проблем. Существует явное противоречие между запросом на объективный и логичный анализ прошлого и настоящего и иррациональными составляющими «объясняющих» нарративов (в последних, например, логическая категория «причины» нередко оказывается замененной мифическим образом на «начала», что говорит о нарушении причинно-следственных связей).

Изучение этнонациональных историй, безусловно, актуально, однако, как и в случае классического мифа, это изучение не должно сводиться только к критике самого повествования (выявлению фактологических ошибок, недосказанностей, прямых фальсификаций и т. д.). Речь идет о современном общественном явлении, которое существует в динамике социальных, политических, экономических и других изменений. В связи с этим в статье предпринимается попытка систематического анализа феномена этнонациональных историй в его связях с иными, на первый взгляд только «внешними», но на деле определяющими факторами.

Учитывая широкий размах объекта исследования, его предмет будет сужен до этнонациональных историй Татарстана (одной из национальных российских республик Среднего Поволжья). Методологическим основанием анализа выступит совокупность концептуальных положений, которую условно можно назвать «теорией модернизации» [Жигайло; Масловский; Побережников; Полтерович; Хорошилов] (учитывая ее претензии на универсальный характер, полученные на материалах Татарстана результаты можно корректно использовать для других постсоветских территорий, в том числе и для России в целом). «Татарстанским» эмпирическим материалом будут проверяться выдвигаемые теоретические положения, в результате чего я попытаюсь начать создание исследовательской модели изучения этнонациональных историй.

Огромный, даже в рамках Татарстана, фактологический материал будет «упорядочен» в структуре ответов на следующие вопросы: 1. Какую роль этнонациональные истории играют в процессах «догоняющей модернизации» и глобализации? 2. Этноориентированные рассказы о прошлом являются следствием «традиционного» корпоративизма или отражением конструирования гражданской нации? 3. Этнонациональные истории — научный феномен или только одна из специфических форм модернизирующегося «общественного сознания»?

1. Роль этнонациональных историй в «догоняющей модернизации» и глобализации. Применяемое к «историям» прилагательное «этнонациональные» связано не столько с логикой внутреннего развития науки, сколько с обязательствами историков перед государством. В странах, еще в XIX в. прошедших этап становления национальных государств и ныне вступивших в постнациональную эпоху [Концептуальные основания…], мобилизационные и интеграционные коннотации «национального» сегодня не так злободневны, как в странах только переживающих нациестроительство или едва вставших на этот путь. Новейшие этнонациональные истории существуют в относительно развитых техногенных государствах, и в рамках современного глобального академического общения имеют свои закономерности становления и функционирования, отличные от своих «собратьев» XIX в., лишенных критически настроенных конкурентов.

В связи со стоящими перед социумом мобилизационными задачами постсоветские этнонациональные истории тяготеют к выработке «глобальных» схем развития, что напоминает создание универсальных философских систем (Г. Гегеля, К. Маркса и др.) XIX в. Данный «глобальный универсализм» вступает в противоречие с индивидуальным атомизмом и вниманием к гносеологическим аспектам нынешней мировой гуманитаристики. Отсюда стремление авторов этнонациональных историй к «стихийной» объективации своих исследований, утверждениям об изучении некой «объективной реальности» и недоверие к конструктивизму как таковому (под последним нередко понимается что-то нестабильное, искусственное, отошедшее от «вековой нормы»; например, попытки некоторых людей изменить свою идентичность с татарской на булгарскую или кряшенскую директор Института истории Академии наук РТ Р. С. Хакимов связывал с «незнанием истории») [Рафаэль Хакимов: «Политические движения…»]. Допущения об изучении «реальной истории» делают полученные выводы «пригодными» для использования в актуальной политике, позволяют обосновать решения, часто противоречащие воле большинства населения, что как раз и необходимо в ситуации модернизационного рывка (корректно вспомнить о нелюбви теоретиков большевизма к идеализму именно с практической точки зрения, когда представитель пролетариата мог усомниться в необходимости изменения своей жизни на основании того, что она является лишь набором идеальных конструктов; в случае этнонационализма важно сохранить уверенность в реальности «этноса», во имя которого и совершаются преобразования).

Изложенные теоретические выкладки подтверждают материалы официального историописания Татарстана, в рамках которого активно конструируется образ модернизирующегося государственного образования, перед которым, якобы исходя из «логики исторического развития», стоит еще много практических задач. Как уже отмечалось, внешне это похоже на функции классических национальных историй XIX — первой половины XX в., но носит явно

вторичный характер и содержит коннотации, с современных позиций, излишней политической централизации (в условиях глобализации сама необходимость модернизационного рывка и сопутствующая ему общественная солидарность могут быть поставлены под сомнение).

Центральным в историографии Татарстана является образ народа, который воплощает в себе коллективные усилия по модернизации. В рамках такой парадигмы «народ» не может быть лишь «воображаемым сообществом», и поэтому глубина логического анализа на этой категории задерживается («достигает дна»). «Народ» превращается в «коллективную личность», активно участвующую в современной жизни, что напоминает функции почитаемых в традиционных социумах сакральных существ. Упоминавшийся Р. С. Хакимов, отвечая критикам сформировавшегося только в советское время проекта «единой татарской нации», заявлял, что «*наши ученые* (имеются в виду сотрудники Института истории АН РТ. — *А. О.*) *не будут заниматься расколом татар по этнографическим, конфессиональным, территориальным и другим признакам! Есть общая история и культура, единый литературный язык татар, а ходить в мечеть или церковь, быть тенгрианцем или атеистом — это личное дело каждого*» [Рафаэль Хакимов: «Политические движения…»]. Интересен и в то же время типичен прочитанный на международной конференции доклад казанского историка Б. Р. Рахимзянова «Споры между “татаристами” и “булгаристами” в Татарстане в 1985–1991 годы: академическая битва за “правильный” этноним татар» [Рахимзянов]. Автор доклада не сомневался в объективном существовании социальной общности под названием «татары» и односторонне, с позиций примордиализма и «татаризма», пытался исследовать споры о названии народа.

В рамках историко-эволюционной парадигмы, на мой взгляд, эвристически оправданно поставить вопрос о схожести и преемственности характерных для домодерных обществ споров о единобожии и многобожии и наблюдаемых современных дискуссий о единстве народа, (не)допустимости его раскола и образования «отдельных» народов.

Этнонациональные истории создают мифическое «безвоздушное» пространство, которое обеспечивает иллюзию максимально беспрепятственного движения социума по пути модернизации. «Мешают» этому движению, «усиливают трение», современная научная антропоцентричная методология и признание прав человека, в том числе на определение своей национальной принадлежности. Отсюда либо их игнорирование, либо использование внешних атрибутов с обязательным сохранением «базовых, всем понятных жизненных истин» (большое значение имеют и мероприятия по «внешней легитимации» написанных в этноцентричном жанре текстов, например, подготовленный усилиями Института истории АН РТ англоязычный сборник статей «Золотая Орда в мировой истории» был презентован в Оксфордском университете [Гиниятуллина], о чем ожидаемо пафосно было рассказано региональными СМИ [Добиться признания…]).

2. Этноориентированные рассказы о прошлом являются следствием «традиционного» корпоративизма или отражением конструирования гражданской нации? Казалось бы, этнонациональные истории априори должны быть частью модерного национализма, который преодолевает характерные для традиционного общества семейные, религиозные и корпоративные границы. Однако приставка «этно», оперирующая не к понятным атрибутам гражданства (гражданской нации), а к иррациональным чувствам «крови и почвы», заставляет осторожнее относиться к концепту «национальное». Я попытаюсь показать, что этнонациональные истории отражают не национальные, а корпоративные интересы, которые реализуются через упоминавшийся симбиоз этнического и государственного.

Роль корпоративизма в генезисе этнонациональных историй в целом изучена недостаточно. Даже В. А. Шнирельман, создавший ряд капитальных трудов, посвященных «войнам памяти», хазарскому и арийскому историческим мифам, культурному расизму, спорам между «булгаристами» и «татаристами» в Татарстане [Shnirelman 1996; Шнирельман 1998; Шнирельман 2002] и т. д., и на высоком профессиональном уровне проанализировавший творчество пишущих в жанре этнонациональных историй авторов, по моему мнению, нечасто обращался

к фактору внутри- и межкорпоративных отношений в посттрадиционном обществе (что, впрочем, может быть объяснено влиянием самого корпоративизма). В этих условиях личность исследователя «растворена» в довлеющих над ним коллективистских структурах, а высказываемая точка зрения не может быть признана полностью самостоятельной (примером тому является попытка критики монографии Виктора Александровича «Войны памяти» [Шнирельман 2003а] со стороны Национальной академии наук Азербайджана. Выступившая «официальным» критиком философ Зумруд Кулизаде выражала явно не свою точку зрения [Кулизаде 2010], а корпоративное недовольство азербайджанских историков обоснованными обвинениями в их адрес в мифизации истории Нагорного Карабаха [Шнирельман 2019; Шнирельман 2013]).

Другие исследования постсоветских национальных историй также часто ограничиваются внутренней критикой источника, профессионально указывая на конкретные ошибки, не вызванные научными факторами изменения точек зрения, в крайнем случае анализируются этапы развития нарратива в связи окружающими политическими условиями [Бордюгов]. Вместе с тем еще Э. Дюркгейм отмечал социальную детерминацию религии и мифа [Клейн, *236–239*], поэтому понимание мифа невозможно без анализа «окружающего» общественного фона, который (а не отдельный автор) и породил миф.

Обратимся к материалам Татарстана. Отметим, что фактически не существует гражданской истории Татарстана, дискурс о его прошлом представлен по крайней мере тремя этнонациональными историями — татарской, булгарской и кряшенской. Каким корпоративным структурам «интересны» эти нарративы?

«История татарского народа» подменяет собой общегражданскую историю, так как «история государственности Татарстана» равнозначна «истории государственности татар» (еще в 1990-е гг. установился канон нарратива, включающий в себя следующие обязательные звенья: империя Хунну, держава гуннов, Великий Тюркский каганат, Великая Болгария, Хазарский каганат, Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство, историческая травма связанная с «потерей государственности» со взятием Казани войсками Ивана IV в 1552 г., затем нахождение в составе Российского государства, далее восстановление государственности в «урезанном виде» в 1920 г. в связи с созданием ТАССР и, наконец, «возрождение государственности» в 1990 г. благодаря созданию ТССР и Республики Татарстан) [Фахрутдинов]. Нетрудно догадаться, что акцент именно на политические формы жизни народа в прошлом делает нарратив историей не всего народа, а лишь сложносоставной корпорации современной политической элиты, которая легитимизирует свое положение через обращение к историческому мифу.

Примеров связи властной корпорации и этнонациональных историй можно привести много. В Казани, напротив Дворца Президента (находящегося рядом с законсервированными археологическими остатками ханского дворца и останками казанских ханов), расположился Музей истории государственности Татарстана; в здании Института истории им. Ш. Марджани АН РТ можно встретить кабинет с табличкой Управления делами Президента РТ (наблюдения автора); бывший директор этого института, один из главных идеологов Татарстана, Рафаэль Хакимов не скрывает, что живет в элитном поселке под Казанью рядом с высшими чиновниками республики [У нас традиционно…]; другой идеолог, И. Р. Тагиров, «отличился» монографией по истории татарской государственности, автором предисловия к которой значился действующий на тот момент президент Татарстана М. Ш. Шаймиев) [Тагиров]. Ситуация напоминает историописание в домодерных обществах, в которых внимание историков фокусировалось только на некоторых социальных группах (правящая династия, дворянство и духовенство).

Отличие гражданской нации от характерных для посттрадиционного общества форм политического сожительства заключается в «максимально горизонтальном» взаимодействии различных социальных групп и профессиональных корпораций. Однако в случае Татарстана те же корпорации, наоборот, изолированы друг от друга, а в подобие единства их связывает только подчинение государству.

Академическое сообщество — один из многих элементов дискретной и вертикально соподчиненной корпоративной структуры.

В связи с тем что, как отмечалось выше, историописание отражает социальные и политические запросы только части общества, попытки «оппозиционного творчества» на темы прошлого маргинализуются, о чем можно судить по степени государственного признания (вернее, непризнания) мифов «кряшенской» и «булгарской» историй (чего не скажешь о ставших официальными мифологемах «истории татар»).

Кряшены — группа людей, разделяющих мнение о своей принадлежности к отдельному православному тюркоязычному народу (наподобие гагаузов в Молдавии). В Татарстане их причисляют к «единой татарской нации», так называемым «крещеным татарам». «История кряшен» вызывает интерес у плохо организованных представителей социальных групп, находящихся, как правило, в маргинальном положении между городом и деревней, тогда как «история татар-кряшен» «узаконена» патронатом Генерального директора АО «Холдинговая компания “Ак Барс”» Е. М. Егорова [Руководство] (в дискурсе связи этнонациональных историй и корпоративизма интересен факт назначения директора Института истории АН РТ Рафаэля Хакимова председателем совета директоров ОАО «Казанский медико-инструментальный завод») [Хакимов…].

За «историей булгар» в начале 1990-х гг. стояла академическая корпорация «Институт языка, литературы и истории АН РТ» во главе с влиятельным директором М. З. Закиевым. В результате государственного вмешательства данная корпорация переориентировалась на «историю татар», что сделало булгаристскую «историю булгар» маргинальным нарративом.

Тесную связь корпораций и этнонациональных историй иллюстрирует кейс «возрождения Болгара и Свияжска». В 2010 г. Президент Татарстана Минтимер Шаймиев уходит в отставку и начинает заниматься казалось бы сугубо гуманитарным проектом восстановления историко-археологических комплексов. «Под этот проект» создается фонд «Возрождение», который начинает собирать на свои нужды, по официальной версии, добровольные пожертвования. На сайте фонда можно найти фиксирующие поступления средств «Книги благотворителей». Согласно этим документам сбор денег осуществлялся не столько «по отдельным гражданам», сколько по практически всем трудовым коллективам республики вне зависимости от форм собственности (от детсадов и школ до местных нефтяных и финансовых гигантов). «Пожертвования» осмыслялись как вклад в «общее дело» развития дружеских межнациональных и межконфессиональных отношений посредством «возрождения» «русского и православного» Свияжска и «татарского и мусульманского» Болгара.

За каждым реставрируемым памятником «закреплялась» соответствующая «организация», по профилю своей деятельности имевшая, как правило, отдаленное отношение к истории и археологии. Например, в Свияжске Надвратная церковь Вознесения Господня Успенского монастыря реставрировалась за счет ОАО «Холдинговая компания “АК БАРС”», Сергиевская церковь Иоанна-Предтеченского монастыря — на средства ОАО «Банк “Зенит”», церковь Константина и Елены — ОАО «РИТЭК», ОАО «Нефтяная компания “ЛУКОЙЛ”». В Болгаре «Ханская усыпальница» «возрождалась» силами Актанышского муниципального района (вернее, расположенными на его территории бюджетными организациями вроде школ, детских садов и т. д.), «Черная Палата» — ООО «Торговый дом “Акульчев”» из Елабуги, Церковь Успения Пресвятой Богородицы — ОАО «Сбербанк РФ» и т. д. [Республиканский фонд…].

Участвуя в проекте, представители указанных выше структур (от Актанышского муниципального района до Сбербанка РФ и сотни других) вряд ли преследовали общенациональные или общерелигиозные цели. Эти цели декларировались, но заинтересована в их ритуальном проговаривании была лишь политическая элита Татарстана во главе с М. Ш. Шаймиевым (сам проект, консолидировавший множество корпораций, скорее всего был поводом для демонстрации отставным президентом прежних властных возможностей). Вместо ожидаемой национальной идентичности фиксируется идентичность корпоративная, которая маскируется риторикой этнонационализма и соответственно этнонациональными историями.

Отсутствие поддержки со стороны хотя бы одной корпорации может привести адептов определенного варианта этнонациональной истории к печальным последствиям. Примером тому служат видеоматериалы первого, после поддержки властей, «Болгарского джиена»

19 июня 2010 г. На видео фиксируются одинокие фигуры известного булгариста Ф. Нуруттдинова и нескольких его сторонников, без особого успеха пытающихся раздавать листовки с призывом о переименовании татар в булгар [Джиен…]. В то же время называющий себя «Верховным муфтием» Талгат Таджуттдин, основавший традицию проведения «Болгарских джиенов» еще в 1989 г. и только в 2010 г. получивший официальное признание своего начинания со стороны властей Татарстана, явно переживал успех.

Теснейшую связь «корпоративного» и «этнического» иллюстрируют структура и деятельность Дома Дружбы народов г. Казани. Организация является типичным бюрократическим учреждением, разделенным на «сектора» (согласно проживающим в Казани народам), и «под каждый народ» отведен отдельный кабинет, который занимают представители соответствующих этнических «ассоциаций» или «объединений» (значительную роль в их деятельности играют культурно-исторические вопросы) [Овчинников 2022]. Не социальная реальность определяет бюрократическую структуру ДДН, а, наоборот, стремление политической элиты структурировать социум по выгодным для себя основаниям «материализуется» в устройстве учреждения.

Этнонациональные истории актуализируются в «центре» города, где концентрируются производящие их корпорации — от академических и образовательных учреждений до органов государственной власти. Поэтому, на мой взгляд, корректно ввести понятие «символического сгустка», который включает в себя в том числе и этнонациональные истории и который постепенно, по направлению от центра города к окраинам, «растворяется». Насаждаемые и легитимные образцы «высокой культуры» сменяются манифестирующими образцами «обыденного сознания», мало озабоченными судьбами «великих предков».

Другим «родовым пятном» традиционного общества является антииндивидуализм главного действующего персонажа истории — «народа». Этот образ коллективен. Если в нарративе и появляется «отдельный человек» (правитель, народный герой), то его деятельность будет частью «общенародного дела», иными словами, личностью в полном смысле этого слова его назвать нельзя. Хотя в нарратив «история татарского народа» в последнее время вкрапляются упоминания о применении «западных» эгоцентричных подходов (изучение повседневности, гендерной истории, антропологии власти и т. д.), общий пласт коллективизма и корпоративности по-прежнему прочен, а «частицы» новомодных теоретических наработок представляют собой явную попытку придания мифу наукообразности.

Если признать конструкты этнонациональных историй современными мифами, то весьма заманчиво, как и в случае с классическими мифами, связать их содержание с социально-политической структурой продуцирующих их общественных отношений.

В Татарстане главной характеристикой общественной действительности являются слабое развитие частной собственности и государственно-монополистическая организация собственности коллективной. Население разделено на трудовые коллективы, контролируемые государством и взаимодействующие с ним и друг с другом по принципам не рыночной, а перераспределительной экономики с заметными элементами более древнего дарообмена. Почти такова же структура этнонациональных историй. Дискретные народы («коллективные личности»), напоминающие отдельные корпорации, взаимодействуют друг с другом во времени и пространстве, затмевая своими образами «единоличников».

Риторика о титульном этносе и связанных с ним народах, видимо, отражает реальное корпоративное деление общества, во главе которого стоит доминирующая корпорация — государство (Рафаэль Хакимов не раз писал о «корпорации» Татарстан с иерархией интересов [Рафаэль Хакимов: «Церковь…»]), в свою очередь, контролируемое земляческо-клановыми объединениями [Буинские…]). Отсюда становится еще более понятным тяготение этнонациональных историй к изучению государственности народа, когда этничность, казалось бы сугубо культурный феномен, очень тесно связывается с современной бюрократией. Иррациональность этничности компенсирует не характерную для посттрадиционных социумов формализованность работы бюрократии, что позволяет «обходить» официальное законодательство в случае его

противоречий с неписаным правом («правдой жизни»).

Важно отметить известную «безликость» образа бюрократии, что связывает представления о ней с отмеченными выше коллективистскими чертами образа «этноса». Этим же можно объяснить заинтересованность в этничности со стороны идеологии. Неразработанность основных понятий (даже специалисты нередко путаются в определениях «народа», «этноса», «нации», «цивилизации», не говоря о «субэтносе» или «суперэтносе») делает их удобными для использования в постоянно меняющихся политических ситуациях (несколько напоминает намеренно оставляемые «коррупционные лазейки» в законодательстве о рыночных отношениях; видимо, есть определенная связь между доверием к «финансовым пирамидам» и этноцентричным сознанием, когда в условиях коллективной собственности человек привыкает к постоянным перемещениям денег в семье, среди других родственников, сослуживцев и т. д. и психологически готов расстаться со своей «условно» частной собственностью). Таким образом, содержание этнонациональных историй органично вписывается в структуры нерыночной экономики, корпоративного устройства социума, коллективистской идеологии, а также доминирования бюрократии в обществе.

В подобном окружении нарративы о прошлом не могут быть индивидуалистичными, актуализировать внимание, например, на частной жизни людей, истории повседневности, истории цвета и т. д. В них обязательно должен быть выраженный коллективистский аспект, и не в статичном, а в динамичном состоянии призыва к изменению существующего положения дел (например, к восстановлению «исторической справедливости» и т. д.). «Этнос» своими мобилизационными качествами мало отличается от образов советского «класса» и современной российской «цивилизации». Иные главные персонажи повествования в условиях модернизации и (пост)традиционности не нашли бы понимания у основных акторов конструирования прошлого и их читателей. Автор этнонациональных историй не может не писать по заданной окружающей средой «матрице», и собственно научная методология оказывается второстепенным техническим фактором легализации «витающего в воздухе» всем понятного эмоционально выраженного знания.

Содержание этнонациональных историй — текстовая визуализация динамичного консенсуса главных конструкторов нарративов — политической элиты, которой нужна удобная для использования идеология, и коллективов историков, которым необходим символический и самый «обычный» капитал. Получение этого капитала принципиально отличается от реалий стран Западной Европы и США, то есть стран с рыночной экономикой и тенденциями распространения постнациональной идентичности. Здесь главным производителем гуманитарного текста является отдельный автор, который предлагает свой «товар» дискретным горизонтально связанным и мало зависимым от государства, но чувствительным к общественному мнению ассоциациям — издательствам, фондам, университетам и т. д. Реальная интеллектуальная конкуренция стимулирует получение объективно нового научного знания, которое и обменивается на символический (научное и общественное признание) и финансовый капиталы (отсюда и добровольное объединение «западных исследователей» в ассоциации, а не в создаваемые и контролируемые государством корпорации).

В «производственном цеху» этнонациональных историй все иначе. Принципиально новое знание выработать очень сложно, так как основные постулаты «истории народа» известны и автор изменить их не в состоянии (ситуация напоминает то же Средневековье, когда прошлое было уже «рассказано» в Библии и вносить что-то новое в его понимание было более чем опасно). Сам автор, таким образом, не является оригинальным автором «своего» текста в полном смысле этого слова, поскольку его «соавторами» в той или иной мере выступают и государство, и другие «заинтересованные» корпорации. Если в «западном» случае мы имеем дело с частной интеллектуальной собственностью, то в кейсе этнонациональных историй представлена коллективная интеллектуальная собственность. «Непосредственный производитель» (отдельный автор) владеет только частью этой собственности; над ним, как и в эпоху Средневековья, находится целая лестница более могущественных собственников,

верховным из которых выступает сакральное существо, но только не христианский Бог, а «народ», который якобы сам пишет свою историю, собственно историки лишь «правдиво фиксируют его священное прошлое».

Типичным проявлением коллективной интеллектуальной собственности может служить доклад, прочитанный директором Института истории АН РТ Р. Р. Салиховым 16 ноября 2022 г. на Всероссийской научно-практической конференции «Россия: единство и многообразие», — «Участие народов Поволжья и Приуралья в развитии многонационального Российского государства: проблематика и перспективы исследований». Радик Римович рассказал о татарстанской академической исторической науке за последние примерно 20 лет, озвучил отстаиваемые сегодня его корпорацией идеологемы (кстати, на «180 градусов» противоречащие прежним, 10-летней давности), но при этом «умудрился» не назвать ни одной фамилии конкретного исследователя и не упомянуть хотя бы одну оригинальную концепцию. Историки подчиненного ему учреждения объединялись безличными местоимениями, что отражало реальное доминирование коллективного над личным [Сотрудники…].

Здесь интеллектуальная конкуренция бессмысленна, наоборот, она разрушает коллективную интеллектуальную собственность, что может привести к нарушению обмена с другими корпорациями, социальному напряжению, потому, собственно, научные дискуссии в мире конструирования этнонациональных историй крайне редки, но в то же время для него характерна ожесточенная борьба за право владения хотя бы кусочком общеизвестной истины, за право быть ее транслятором перед политической элитой и обществом.

В СМИ Татарстана регулярно появляются материалы с эмоциональными выпадами сотрудников Института истории и Института языка, литературы и искусства АН РТ, гуманитарных подразделений казанского классического университета по отношению друг к другу [Дамир Исхаков…], ответные же статьи и что-то подобное на полемику можно наблюдать крайне редко. Данные очные и заочные «дискуссии» интересны с источниковой точки зрения, так как позволяют, на мой взгляд, понять большую роль межличностных отношений, то, что называют «восточной интригой», в жизнедеятельности производящих гуманитарные тексты корпораций, а также функции политической элиты в роли своеобразного «третейского судьи».

Таким образом, в динамике модернизационных процессов этнонациональные истории, являясь «пережитками» «традиционного» корпоративизма, маркируют собой своеобразный «переходный этап» развития между ним и гражданской нацией.

3. Этнонациональные истории — научный феномен или специфическая форма модернизирующегося «общественного сознания»? Длящаяся уже длительное время эпоха глобализации выработала общие для всего мира стандарты научного поиска. Они основаны на законах формальной логики и меняющихся в зависимости от нового эмпирического материала методологиях и методиках. «Общие правила интеллектуальной игры» не вызывают возражений в математических, технических и естественных науках, что объясняется понятной «практической отдачей» результатов исследования. То же самое трудно утверждать в отношении социально-гуманитарных наук.

Сегодня появляются мнения, так или иначе ставящие под сомнение универсальность оснований науки [Кузнецов], но речь идет в основном о гуманитарном знании. Объяснить это можно тем, что видимым продуктом творчества гуманитариев являются знаки на бумаге или иных носителях, которые наделяются множественными смыслами в зависимости от ситуаций интерпретации. Сама интерпретация текста о прошлом — это итог гласных или негласных договоренностей между различными социальными группами и внутри них.

Гуманитарный текст может диаметрально противоположно восприниматься, даже в специализированной академической среде, представителями смежных наук, не говоря о СМИ, государстве, «среднестатистическом» обывателе и т. д. Если, например, авиационный двигатель понимать как текст, то в отношении него трудно представить двойственность трактовок: субъект признает смысловую устойчивость текста и прочность субъект-объектных границ. В гуманитарном же знании текст

не имеет жесткой границы, субъект является частью объекта своего же исследования, а описание общественных процессов почти моментально становится их составляющей, так же как трактовка прошлого автоматически изменяет его актуальные образы. Иными словами, если в результате неисправности двигателя происходит катастрофа, то понятно, что это катастрофа и что двигатель был неисправен, альтернативная трактовка однозначно является неверной. В гуманитарной же сфере последствия влияния научных концепций на развитие самой науки и жизнь общества могут быть положительными или отрицательными в зависимости от социальных договоров, в одних из которых может говориться об «исторической катастрофе», а в других — «об освобождении от оков прошлого и новом этапе истории».

Объективно слабое разделение субъекта и объекта делает социально-гуманитарные науки зависимыми от актуальных социальных, политических, экономических процессов и даже от психологии самого исследователя. Учитывая неравномерность развития регионов мира и следуя теориям модернизации, логично признать историческую обусловленность позиционируемых «научными» текстов о прошлом, которые, однако, современны друг другу, что в условиях глобализации приводит к путанице с понятиями, методологической эклектике, попыткам установления иерархичной интеллектуальной соподчиненности и т. д. Эти проблемы академического знания и выразились в рассматриваемых дискурсах этнонациональных историй.

Этничность, являющаяся краеугольным камнем повествований, представляет собой один из современных мифических вариантов мировосприятия. Особенность этнической идентичности выражается в синкретизме, когда буквально все вокруг человека «стягивается» в одну систему координат. Иллюстрацией этому может стать многотомная Татарская энциклопедия, вмещающая в понятие «татарскость» без преувеличения почти все сведения об истории, культуре, промышленности, демографии, административно-политическом устройстве и многом другом не только территории собственно Татарстана, но и других российских регионов и даже стран зарубежья [Татарская энциклопедия]. Представления об «этнических ареалах», «этнической родине» включают в объясняющий миф природное окружение — землю, леса, реки, озера и т. д. (см., например, широко использующиеся в обыденной практике выражения «татарская земля», «русская река», «чувашский дуб» т. д. В связи с этим в историческом повествовании присутствуют не только народы, но и их среда обитания, что часто приводит к биологизации этничности (см., например, так называемый «вмещающий ландшафт» этноса в «теории этногенеза» Л. Н. Гумилева [Шнирельман 2003б] или ныне «модные» построения так называемой «этногенетики» («популяционной генетики») [Овчинников 2020]).

Распространенность в обыденном сознании «мифа крови» и идеологическая необходимость сохранения этого мифа заставляют татарстанских историков публично реагировать на идущие вразрез с этими взглядами работы генетиков. Так, резкой критике на тот момент сотрудника Института археологии АН РТ доктора исторических наук И. Л. Измайлова [Искандер Измайлов…] подверглась статья генетиков, в которой утверждалось, что генофонды различных групп татар имеют мало сходства и потому говорить о генетическом единстве татарской нации не приходится [Татары Евразии…]. Спустя год в Татарстане был запущен проект «Генофонд татар: историко-генетическое исследование», который поддерживался АО «Татнефть». Результатом проекта стало исследование с вполне ожидаемыми выводами: «*несмотря на отдельные отличия и специфику, по внутреннему составу гаплогрупп Y-хромосомы и субкладов все основные татарские территориальные группы Поволжья и Приуралья имеют схожую структуру*» [Генофонд татар, *15*]. Биологические составляющие образа народа (напомню, главного действующего персонажа этнонациональных историй, которые на постсоветском пространстве являются одновременно и официальными государственными историями) отражают тенденции к совмещению социального и физиологического, что также свидетельствует о посттрадиционном происхождении всего феномена в целом.

Синкретичность этнонациональных историй наиболее наглядно, как мне кажется, проявилась в кряшенском кейсе. Татарскость кряшен

конструируется слаженной работой местных историков, политологов, деятелей культуры и даже биологов. Историки на обширном фактологическом материале, в духе примордиализма, пытаются показать происхождение кряшен от татар, на основе чего и выводится их современная «татарскость» [История и культура…; Овчинников, 2018]. Важно отметить однобокую трактовку современной истории кряшен (например, общий посыл диссертации Э. И. Шарафиева состоит в нежелательности «отрыва» кряшен от «своего» «национального ядра», а тенденциозное освещение становления кряшенских общественных организаций противоречит воспоминаниям самих участников этих объединений; стиль работы напоминает штудии 1930-х гг. по истории ВКП(б), в которых, в том числе путем переписывания прошлого большевистского движения, «громилась» партийная фракционность, якобы мешающая единству партии: данная аналогия не случайна, а, на мой взгляд, отражает отмеченную выше необходимость наличия образа монолитного сакрализуемого субъекта, олицетворяющего собой сплоченность модернизирующегося общества [Шарафиев]). Политологи в диссертационных работах безоговорочно признают кряшен частью татар и на этой основе строят свои дальнейшие рассуждения [Денисов]. Деятели культуры создают произведения, в которых кряшены рисуются «заблудшими» младшими братьями татар, последние же выступают в роли культуртрегеров [В лучших традициях…]. Биологи (генетики) на основе анализа крови и других физиологических жидкостей доказывают общее происхождение татар и кряшен [Разнообразие…]. Единственное, что выпадает из стройного конструкта «кряшены — это татары», это мнение самих людей, которых фактически наделяют приписанной извне идентичностью.

Таким образом, этнонациональные истории нельзя назвать «научными» в полном смысле этого слова, так как при их конструировании, в силу социально-политических обстоятельств, фактически отсутствует методологический аппарат. Науке эти нарративы ценны тем, что для иллюстрации мифологем в них «вкрапляются» «настоящие» исторические источники, которые тем самым оказываются в научном обороте. Кроме того, этнонациональные истории сами являются источником для изучения современной им эпохи.

Сказанное позволяет выработать ряд практических рекомендаций, которые дадут возможность лучше понять этноориентированные рассказы о прошлом:

1. Прежде чем начать изучать собственно содержание подобного источника, необходимо ответить на следующие вопросы: страна происхождения текста, регион этой страны, каков характер взаимоотношений между «центром и регионами», в чем специфика публичных высказываний официальных лиц по затрагиваемому в тексте периоду истории (тем самым будет учтен высший уровень коллективной интеллектуальной собственности), а также в чем заключаются особенности подачи интерпретируемых в тексте проблем местной детской литературой (на ее страницах содержание этнонационального мифа представлено, как правило, в «концентрированном» виде)?

2. Важно определить корпоративную принадлежность автора (академическое или образовательное учреждение, конкретные отдел, кафедра или иные структуры), а затем проанализировать «программные» работы их руководителей. Как правило, труды административно влиятельных ученых учитывают взгляды на прошлое высших государственных чиновников и, в свою очередь, очерчивают «рамки интерпретаций» для собственных подчиненных. Если автор изучаемого текста находится вне какой-либо официальной корпорации, то его текст наверняка будет отличаться «радикальными» выводами (обычно это не связанные корпоративными обязательствами «искренние националисты»; в условиях «корпоративной идентичности» «настоящая национальная» идентичность представляется окружающим необдуманным «подставляющим» социальным поведением).

3. Следует попытаться понять, кто является «патроном» автора исследуемого текста, так как содержащаяся в тексте возможная критика других авторов может быть скрытой формой «выяснения отношений» между патронами, что при коллективной интеллектуальной собственности явление распространенное.

4. В посттрадиционном социуме немаловажное значение имеют возраст автора, его

родственные связи и их возможная корреляция с административными должностями. Если в пределах одной или нескольких корпораций встречается несколько авторов с одинаковыми фамилиями, то можно предположить наличие родственного клана, имеющего свои интересы и объединенными семейными усилиями стремящегося получить как можно больше благ от «центра перераспределения» (носителей высшего уровня коллективной интеллектуальной собственности и одновременно «главных читателей»).

Следование данным рекомендациям вполне может стать частью пока еще разрабатываемой методики изучения конкретных текстов этнонациональных историй.

Список источников

Бордюгов Г. А., Бухараев В. М. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М. : АИРО-XXI, 2011. 248 с.

Буинские, актанышские и арские: 10 самых влиятельных землячеств Татарстана. 14.11.2022 // Бизнес Онлайн. URL: https://m.business-gazeta.ru/article/571481 (дата обращения: 01.05.2023).

В лучших традициях «МЫЖЕОДИННАРОД». Мансур Гыйләҗев «Микулай». URL: https://vk.com/@50502687-v-luchshih-tradiciyah-myzheodinnarod-mansur-gyilev-mikulai (дата обращения: 01.05.2023).

Генофонд татар: историко-генетическое исследование. Гаплогруппы Y-хромосомы / М. М. Акчурин и [др.]. Казань. Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 112 с.

Гиниятуллина Л. С. Презентация книги “The Golden Horde in World History” (Оксфорд, Великобритания, 7–8 апреля 2017 г.) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 485–487.

Дамир Исхаков: «Уволив меня, Хакимов подтвердил, что я попал в точку...». 14 января 2018 // Бизнес Онлайн. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/369408 (дата обращения: 01.05.2023).

Денисов А. Е. Влияние субэтнического национализма на развитие кряшенского субэтнического национального движения : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Место защиты: Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2020. 23 с.

Джиен — древний булгарский праздник (видео, начиная с 3-й минуты). URL: https://yandex.ru/video/preview/13212915802652364 06 (дата обращения: 01.05.2023).

Добиться признания в «Оксфорде»: история татар представлена на международной арене. 31.05.2017 // «Реальное Время». URL: https://m.realnoevremya.ru/articles/66755-istoriya-tatar-predstavlena-na-mezhdunarodnoy-arene (дата обращения: 01.05.2023).

Жигайло В. В. Теоретические концепции модернизации // Рос. эконом. интернет-журнал. 2009. № 4. С. 174–192.

Искандер Измайлов: «Эта статья — стремление доказать, что татарской нации не существует». 18.12.2016 // Бизнес Онлайн. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/332180 (дата обращения: 01.05.2023).

История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.) / [Н. Ю. Альмеева, Р. Р. Аминов, И. Р. Атнагулов и др. ; отв. ред. Р. Р. Исхаков ; гл. ред. Р. С. Хакимов]; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань : [Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ], 2017. 959 с.

Клейн Л. С. История антропологических учений. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 236–239.

Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности / В. Н. Сыров, О. В. Головашина, Д. А. Аникин, А. В. Овчинников, А. А. Линченко. Томск : Издат. дом Том. гос. ун-та, 2019. 224 с.

Кузнецов Н. В., Соколов А. М. «Общее дело» как принцип национальной науки в России // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38, вып. 3. С. 280–292.

Кулизаде З. Мифы раздора: Армяно-азербайджанское противостояние в этнологических интерпретациях // Вестник аналитики. 2010. № 40 (2). URL: http://www.isoa.ru/art-view.php?bc_tovar_id=731 (дата обращения: 01.05.2023).

Масловский М. В. Современные теории модерна и модернизации // Социол. журн. 2008. № 2. С. 31–44.

Овчинников А. В. «История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.). Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 960 с.»: историческая травма насильственной христианизации и попытка ее рационализации // Этнос. Общество. Цивилизация : Пятые Кузеевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 27–28 сентября 2018 г.). Уфа : Диалог, 2018. С. 572–579.

Овчинников А. В. Символический предел фронтира: «генофонд людей» и миграция, прошлое и настоящее // Журн. погранич. исслед. 2020. № 2 (5). С. 60–76.

Овчинников А. В. «История старших»: историческая политика Дома Дружбы народов г. Казани // Tempus et Memoria. 2022. Т. 3, № 2. С. 37–46.

Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Евразийское пограничье. Екатеринбург : Волот, 2001. Т. 4. С. 217–246.

Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопр. экономики. 2008. № 4. С. 4–24.

Разнообразие митохондриального генофонда в популяции поволжских татар Республики Татарстан / Е. Н. Конюхова, Нгуен Фыонг Нга, Ф. К. Алимова, О. А. Кравцова // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Т. 152, кн. 2 : Естественные науки. 2010. С. 128–136.

Рафаэль Хакимов: «Церковь и духовные управления мусульман стали бизнес-организациями, а не формой самоорганизации граждан...». 11.01.2014 // Бизнес Онлайн. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/95115 (дата обращения: 01.05.2023).

Рафаэль Хакимов: «Политические движения вроде булгаристов или кряшен появляются от незнания истории» // Бизнес Онлайн. 24.01.2015. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/124187 (дата обращения: 01.05.2023).

Рахимзянов Б. Р. Споры между «татаристами» и «булгаристами» в Татарстане в 1985–1991 годы: академическая битва за «правильный» этноним татар // Программа Международной научной конференции «Лояльность в полиэтнических и национальных государствах», 6–7 февраля 2023 г., Институт истории СПбГУ. С. 10. URL: https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2023/2023%20Программа.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан. URL: https://yanarysh.tatarstan.ru/ (дата обращения: 1.05.2023).

Руководство. Общественная организация кряшен Республики Татарстан. URL: https://krshn.addnt.ru/management/ (дата обращения: 01.05.2023).

Сотрудники Института приняли участие во Всероссийской научно-практической конференции «Россия: единство и многообразие». 18.11.2022. URL: http://татаровед.рф/news/838 (дата обращения: 01.05.2023).

Тагиров И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана / авт. предисл. М. Ш. Шаймиев. 2-е изд. Казань : Татар. кн. изд-во, 2008. 455 с.

Татарская энциклопедия / гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань : Ин-т Татарской энциклопедии АН РТ. 2002–2014. Т. 1–6.

Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар / Е. В. Балановская, А. Т. Агджоян, М. К. Жабагин, Ю. М. Юсупов, Р. А. Схаляхо, Д. О. Долинина, А. Д. Падюкова, М. А. Кузнецова, Н. В. Маркина, Л. А. Атраментова, М. Б. Лавряшина, О. П. Балановский // Вестник Моск. ун-та. Антропология. 2016. № 2. С. 75–85.

«У нас традиционно в деревне в Боровом Матюшино Новый год открывает Минтимер Шаймиев». 24.12.2016 // Реальное Время. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/332847 (дата обращения: 01.05.2023).

Фахрутдинов Р. Г. История татарского народа и Татарстана : учеб. Ч. 1 : Древность и Средневековье. Казань : Магариф, 1995. 255 с.

Хакимов Рафаэль Сибгатович // Реальное Время. URL: https://realnoevremya.ru/persons/1772-hakimov-rafail-sibgatovich (дата обращения: 01.05.2023).

Хорошилов А. В. Формально-онтологические предпосылки теории модернизации // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2018. № 3-1. С. 106–114.

Шарафиев Э. И. Общественное и культурное развитие кряшен Республики Татарстан в 1989–2010 гг. : дис. … канд. ист. наук: 5.6.1. Место защиты: Академия наук Республики Татарстан. Казань, 2022. 288 с.

Шнирельман В. А. От конфессионального к этническому: булгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // Вестн. Евразии. 1998. № 1–2. С. 131–152.

Шнирельман В. А. Идентичность и образы предков: татары перед выбором // Там же. 2002. № 4. С. 128–147;

Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М. : ИКЦ «Академкнига», 2003а. 591 с.

Шнирельман В. А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнограф. обозрение. 2003б. № 3. С. 8–21.

Шнирельман В. А. Излечима ли болезнь этноцентризма? Из опыта изучения конструирования образов прошлого — ответ моим критикам // Полит. концептология. 2013. № 1. С. 100–113.

Шнирельман В. А. Ответ моим азербайджанским критикам. 17.03.2019. URL: https://nashaarmenia.info/2019/03/17/в-а-шнирельман-ответ-моим-азербайджан/ (дата обращения: 01.05.2023).

Shnirelman V. Who gets the past? Competition for ancestors among nonrussian intellectuals in Russia. Washington D. C. ; Baltimore ; L. : Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press, 1996. 98 p.

References

Bordyugov, G. A., Bukharaev, V. M. (2011). *Vcherashnee zavtra: kak "natsional'nye istorii" pisalis' v SSSR i kak pishutsya teper'* [Yesterday's tomorrow: how "national stories" were written in the USSR and how they are written now]. Moscow: AIRO-KhKhI.

Buinskie, aktanyshskie i arskie: 10 samykh vliyatel'nykh zemlyachestv Tatarstana [Buinsky, aktanyshsky and Arsky: 10 most influential communities of Tatarstan]. 14.11.2022. *Biznes Onlain*. URL: https://m.business-gazeta.ru/article/571481 (accessed: 01.05.2023).

Denisov, A. E. (2020). *Vliyanie subetnicheskogo natsionalizma na razvitie kryashenskogo subetnicheskogo natsional'nogo dvizheniya: Avtoreferat dis. … kandidata politicheskikh nauk: 23.00.02* [The influence of subethnic nationalism on the development of the Kryashen subethnic national movement: Dissertation abstract… Candidate of Political Sciences]. Kazan, 23.

Dzhien — drevnii bulgarskii prazdnik (video, nachinaya s 3 minuty) [Jien — an ancient Bulgarian holiday (video, starting from 3 minutes)]. URL: https://yandex.ru/video/preview/13212915802652364 06 (accessed: 01.05.2023).

Dobit'sya priznaniya v Oksforde: istoriya tatar predstavlena na mezhdunarodnoi arene [To achieve recognition in Oxford: the history of the Tatars is presented in the international arena]. 31.05.2017. *Real'noe Vremya*. URL: https://m.realnoevremya.ru/articles/66755-istoriya-tatar-predstavlena-na-mezhdunarodnoy-arene (accessed: 01.05.2023).

Fakhrutdinov, R. G. (1995). *Istoriya tatarskogo naroda i Tatarstana: ucheb. dlya sred. obshcheobrazovat. shk., gimnazii i litseev. Ch.1. Drevnost' i srednevekov'e* [The history of the Tatar people and Tatarstan: a textbook for secondary schools, gymnasiums and lyceums. Part 1. Antiquity and the Middle Ages]. Kazan': Magarif.

Genofond tatar: istoriko-geneticheskoe issledovanie. Gaplogruppy Y-khromosomy / M. M. Akchurin i [dr.] [The Tatar gene pool: historical and genetic research. Y-chromosome haplogroups / M. M. Akchurin] (2021). Kazan'. Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 15.

Giniyatullina, L. S. (2017). Prezentatsiya knigi "The Golden Horde in World History" (Oksford, Velikobritaniya, 7–8 aprelya 2017 g.) [Presentation of the book "The Golden Horde in World History" (Oxford, UK, April 7–8, 2017)]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 5, 2, 485–487.

Iskander Izmailov: "Eta stat'ya — stremlenie dokazat', chto tatarskoi natsii ne sushchestvuet" [Iskander Izmailov: "This article is an attempt to prove that the Tatar nation does not exist"]. 18.12.2016. *Biznes onlain*. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/332180 (accessed: 01.05.2023).

Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.) (2017) [History and culture of the Kryashen Tatars (XVI–XX centuries)] / [N. Yu. Al'meeva, R. R. Aminov, I. R. Atnagulov i dr. ; otv. red. R. R. Iskhakov ; gl. red. R. S. Khakimov]; In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT.

Khakimov Rafael' Sibgatovich [Khakimov Rafael Sibgatovich]. *Real'noe Vremya*. URL: https://realnoevremya.ru/persons/1772-hakimov-rafail-sibgatovich (accessed: 01.05.2023).

Khoroshilov, A. V. (2018). Formal'no-ontologicheskie predposylki teorii modernizatsii [Formal-ontological prerequisites of modernization theory]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 3–1, 106–114.

Klein, L. S. (2014). *Istoriya antropologicheskikh uchenii* [History of anthropological teachings]. S.-Petersburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 236–239.

Kontseptual'nye osnovaniya politiki pamyati i perspektivy postnatsional'noi identichnosti [Conceptual foundations of the memory policy and prospects of post-national identity] / V. N. Syrov, O. V. Golovashina, D. A. Anikin, A. V. Ovchinnikov, A. A. Linchenko (2019). Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.

Kuznetsov, N. V., Sokolov, A. M. (2022). «Obshchee delo» kak printsip natsional'noi nauki v Rossii ["Common Cause" as a principle of National Science in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 38, 3, 280–292.

Kulizade, Z. (2010). Mify razdora: Armyano-azerbaidzhanskoe protivostoyanie v etnologicheskikh interpretatsiyakh [Myths of Discord: The Armenian-Azerbaijani Confrontation in Ethnological Interpretations]. *Vestnik analitiki*, 40 (2). URL: http://www.isoa.ru/art-view.php?bc_tovar_id=731 (accessed: 01.05.2023).

Maslovskii, M. V. (2008). Sovremennye teorii moderna i modernizatsii [Modern modernization theories]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2, 31–44.

Ovchinnikov, A. V. (2018). "Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.). Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2017. 960 s.": istoricheskaya travma nasil'stvennoi khristianizatsii i popytka ee ratsionalizatsii [History and culture of the Kryashen Tatars (XVI–XX centuries). Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2017. 960 p.": the historical trauma of forced Christianization and an attempt to rationalize it]. *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: Pyatye Kuzeevskie chteniya. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Ufa, 27–28 sentyabrya 2018 g.). Ufa: Dialog, 572–579.

Ovchinnikov, A. V. (2020). Simvolicheskii predel frontira: «genofond lyudei» i migratsiya, proshloe i nastoyashchee [The symbolic frontier limit: the "human gene pool" and migration, past and present]. *Zhurnal pogranichnykh issledovanii*, 2 (5), 60–76.

Ovchinnikov, A. V. (2022). "Istoriya starshikh": istoricheskaya politika Doma Druzhby narodov g. Kazani ["The History of the elders": the historical policy of the House of Friendship of Peoples of Kazan]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 37–46.

Poberezhnikov, I. V. (2001). Teoriya modernizatsii: osnovnye etapy evolyutsii [Modernization theory: the main stages of evolution]. *Evraziiskoe pogranich'e*, 4. Ekaterinburg: Volot, 217–246.

Polterovich, V. (2008). Strategii modernizatsii, instituty i koalitsii [Modernization strategies, institutions and coalitions]. *Voprosy ekonomiki*, 4, 4–24.

Rafael' Khakimov (1): "Tserkov' i dukhovnye upravleniya musul'man stali biznes-organizatsiyami, a ne formoi samoorganizatsii grazhdan..." [Raphael Khakimov (1): "The Church and spiritual administrations of Muslims have become business organizations, not a form of self-organization of citizens..."], 11.01.2014. *Biznes Onlain*. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/95115 (accessed: 01.05.2023).

Rafael' Khakimov (2): "Politicheskie dvizheniya vrode bulgaristov ili kryashen poyavlyayutsya ot neznaniya istorii" ["Political movements like Bulgarists or Kryashen appear from ignorance of history"], 24.01.2015. *Biznes Onlain*. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/124187 (accessed: 01.05.2023).

Rakhimzyanov, B. R. (2023). Spory mezhdu "tataristami" i "bulgaristami" v Tatarstane v 1985–1991 gody: akademicheskaya bitva za "pravil'nyi" etnonim tatar [Disputes between "Tatarists" and "Bulgarians" in Tatarstan in 1985–1991: academic battle for the "correct" ethnonym of Tatars]. *Programma Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Loyal'nost' v polietnicheskikh i natsional'nykh gosudarstvakh",* 6–7 fevralya 2023 g., Institut istorii SPbGU, 10 URL: https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2023/2023%20Programma.pdf (accessed: 01.05.2023).

Raznoobrazie mitokhondrial'nogo genofonda v populyatsii povolzhskikh tatar Respubliki Tatarstan [Diversity of the mitochondrial gene pool in the population of Volga Tatars of the Republic of Tatarstan] / E. N. Konyukhova, Nguen Fyong Nga, F. K. Alimova, O. A. Kravtsova (2010). *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 152, 2. Estestvennye nauki, 128–136.

Respublikanskii Fond Vozrozhdeniya pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Tatarstan [Republican Fund for the Revival of Historical and Cultural Monuments of the Republic of Tatarstan.]. URL: https://yanarysh.tatarstan.ru/ (accessed: 01.05.2023).

Rukovodstvo. Obshchestvennaya organizatsiya kryashen Respubliki Tatarstan [Guide. Kryashen public Organization of the Republic of Tatarstan.]. URL: https://krshn.addnt.ru/management/ (accessed: 01.05.2023).

Sharafiev, E. I. (2022). *Obshchestvennoe i kul'turnoe razvitie kryashen Respubliki Tatarstan v 1989–2010 gg. Dis. … kand. ist. nauk: 5.6.1* [Social and cultural development of the Kryashens of the Republic of Tatarstan in 1989–2010 Dissertation … Candidate of Historical Sciences]. Kazan', 2022.

Shnirelman, V. A. (1996). *Who gets the past? Competition for ancestors among nonrussian intellectuals in Russia*. Washington D. C.; Baltimore; L.: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press.

Shnirel'man, V. A. (1998). Ot konfessional'nogo k etnicheskomu: bulgarskaya ideya v natsional'nom samosoznanii kazanskikh tatar v XX veke [From Confessional to ethnic: the Bulgarian Idea in the National consciousness of Kazan Tatars in the XX century]. *Vestnik Evrazii*, 1–2,131–152.

Shnirel'man, V. A. (2002). Identichnost' i obrazy predkov: tatary pered vyborom [Identity and ancestral images: Tatars facing a choice]. *Vestnik Evrazii*, 4, 128–147;

Shnirel'man, V. A. (2003) (1). *Voiny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moskva: IKTs "Akademkniga".

Shnirel'man, V. A. (2003) (2). Lev Gumilev: o t"passionarnogo napryazheniya" do "nesovmestimosti kul'tur" [Lev Gumilev: from "passionate tension" to "incompatibility of cultures"]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 3, 8–21.

Shnirel'man, V. A. (2013). Izlechima li bolezn' etnotsentrizma? Iz opyta izucheniya konstruirovaniya obrazov proshlogo — otvet moim kritikam [Is the disease of ethnocentrism curable? From the experience of studying the construction of images of the past — the answer to my critics]. *Politicheskaya kontseptologiya*, 1, 100–113.

Shnirel'man, V. A. (2019). Otvet moim azerbaidzhanskim kritikam [The answer to my Azerbaijani critics], 17.03.2019. URL: https://nashaarmenia.info/2019/03/17/v-a-shnirel'man-otvet-moim-azerbaidzhan/ (accessed: 01.05.2023).

Sotrudniki Instituta prinyali uchastie vo Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Rossiya: edinstvo i mnogoobrazie" [The staff of the Institute took part in the All-Russian scientific and practical conference "Russia: Unity and diversity"]. 18.11.2022. URL: http://tataroved.rf/news/838 (accessed: 01.05.2023).

Tagirov, I. R. (2008). *Istoriya natsional'noi gosudarstvennosti tatarskogo naroda i Tatarstana* / avt. predisl. M. Sh. Shaimiev. 2–e izd. [The history of the national statehood of the Tatar people and Tatarstan / author of the preface Mintimer Shaimiev]. Kazan': Tatar.kn.izd-vo.

Tatarskaya entsiklopediya (2002–2014) [Tatar Encyclopedia]. T. 1–6 / Gl. redaktor M. Kh. Khasanov. Kazan': In-t Tatarskoi entsiklopedii AN RT.

Tatary Evrazii: svoeobrazie genofondov krymskikh, povolzhskikh i sibirskikh tatar [Tatars of Eurasia: the uniqueness of the gene pool of Crimean, Volga and Siberian Tatars] / E. V. Balanovskaya, A. T. Agdzhoyan, M. K. Zhabagin, Yu. M. Yusupov, R. A. Skhalyakho, D. O. Dolinina, A. D. Padyukova, M. A. Kuznetsova, N. V. Markina, L. A. Atramentova, M. B. Lavryashina, O. P. Balanovskii (2016). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Antropologiya*, 2, 75–85.

"U nas traditsionno v derevne v Borovom Matyushino Novyi god otkryvaet Mintimer Shaimiev" ["Traditionally, Mintimer Shaimiev opens the New Year in our village in Borovoye Matyushino"], 24.12.2016. *Real'noe Vremya*. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/332847 (accessed: 01.05.2023).

V luchshikh traditsiyakh «MYZhEODINNAROD». Mansur Gyiləҗev «Mikulai» [In the best traditions of "MYZHEODINNAROD". Mansur Gilyazov "Mikulai"]. URL: https://vk.com/@50502687-v-luchshih-tradiciyah-myzheodinnarod-mansur-gyilev-mikulai (accessed: 01.05.2023).

Zhigailo, V. V. (2009). Teoreticheskie kontseptsii modernizatsii [Theoretical concepts of modernization]. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal*, 4, 174–192.

Сведения об авторе

Овчинников Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета, Казань, Россия; научный сотрудник философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Россия

Information about the author

Alexander V. Ovchinnikov, Cand. Sci. (Hystory), Associate Professor of the Department of Management of Kazan State Energy University, Kazan; Researcher at the Faculty of Philosophy of the National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Статья поступила в редакцию 10.04.2023;
одобрена после рецензирования 18.04.2023;
принята к публикации 05.05.2023

The article was submitted 10.04.2023;
approved after reviewing 18.04.2023;
accepted for publication 05.05.2023